

В.В.Алексеев (ИИиА УрО РАН)

РОССИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ (вместо предисловия)

С точки зрения кардинальной смены парадигм технологического способа производства человеческая история знает две величайшие революции. Первая связана с заменой собирательства и пастушества земледелием (неолитическая), вторая — с переходом от аграрного общества (традиционного) к индустриальному или современному (модернизация). Следовательно, модернизация — явление цивилизационного масштаба, глобальный феномен мировой истории.

Зарубежная историография породила огромную литературу о модернизации. В мировом обществоведении создан значительный теоретико-методологический багаж изучения проблем модернизации и развития. Разрабатывались критерии, определялись фазы, этапы и типы модернизации, агенты модернизации и модернизаторские элиты, их влияние на темпы и характер самого процесса модернизационного перехода (У.Ростоу, Ш.Эйзенштадт, Д.Лернер, Х.Даадлер, Д.Эптер, С.Блэк, Г.Терборн, А.Турен, Д.Гусфильд, С.Хантингтон и др.)¹.

Российский опыт модернизации в определенной степени привлекался зарубежными специалистами: экономистами, политологами, социологами, историками (А.Гершенкрон, С.Кузнец, С.Блэк, Д.Норт, М.Манн, Т.Шанин, Т.Скокпол, П.Готрелл, Д.Патнам, Г. фон Лауэ и др.), — многие наблюдения которых представляют несомненный интерес. Однако односторонний подход, присущий указанным авторам (макрэкономический или макроисторический; акцентирование внимания на отдельных аспектах модернизации: экономическом, политическом, институциональном развитии и т.д.), приводил их к различным, зачастую диаметрально противоположным выводам даже по ключевым вопросам: о характере российской модернизации; роли государства; механизмах воздействия государственных и институциональных структур на модернизацию и общество².

В последние годы, в связи с ростом интереса отечественных обществоведов к цивилизационному подходу интерпретации исторического процесса, усилилось внимание к проблемам модернизации в

России. Концентрированным выражением этого интереса явилась публикация материалов “круглого стола” журнала “Вопросы философии” под общим названием “Российская модернизация: проблемы и перспективы”³. Там высказаны различные, подчас полярные точки зрения на суть модернизации, ее периодизацию и перспективы, значение для России.

Большинство авторов едины в том, что модернизация есть переход от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному. Это комплексный процесс, который охватывает все стороны общественной жизни: экономическую, социальную, правовую, политическую, культурную. В ходе модернизации менее развитые общества приобретают черты более развитых. С таким подходом нельзя не согласиться, но есть ряд позиций, которые наводят на размышления.

Некоторые ученые, например А.С.Ахиезер, рассматривают модернизацию как переход от традиционной цивилизации к либеральной⁴. С такой трактовкой трудно согласиться, поскольку, во-первых, вряд ли можно ставить знак равенства между либеральными режимами и цивилизациями, а во-вторых, всем странам не либерального толка придется отказать в модернизации, хотя это очень трудно сделать.

Непеременным атрибутом модернизации многие авторы считают частную собственность и рынок, особенно мировой. Безусловно, что именно они дали толчок модернизации и сопутствовали ее успеху. Однако, возникает вопрос: имела ли место модернизация в тех странах, где названные компоненты не получили классического развития, но состоялась индустриализация (стержень модернизации). К этим странам в первую очередь относится Россия. Прошла она стадию модернизации или только вступает в нее, интегрируясь в мировой рынок? Нам представляется, что нельзя игнорировать ни петровский, ни сталинский этапы модернизации. Тот и другой были ответом на вызов своего времени, носили характер догоняющей и незавершенной модернизации, но они имели место в истории, и с этим необходимо считаться.

Вообще еще предстоит предпринять значительные шаги по теоретическому размежеванию таких феноменов, как модернизация, капитализм, социализм. Как нам представляется, капитализм и социализм можно идентифицировать как социально-экономические

системы, которые находятся в различных отношениях к рыночным механизмам. Если капиталистическая экономика ориентирована на производство для обмена через рынок, то социалистическая регулируется плановыми, политическими методами (хорошо известные попытки модификации индустриального социализма путем внедрения рыночных механизмов всегда наталкивались на политические и экономические барьеры; гипотетически можно утверждать, что существуют определенные пределы введения "рынка" в "социализм", превышение которых приводит к необратимой трансформации самой социалистической системы). Модернизационный процесс сам по себе относительно независим от капитализма и социализма, то есть он может протекать как в капиталистическом, так и в социалистическом контексте, что, конечно, не снимает вопроса о социокультурной цене использования "капиталистических" или "социалистических" методов модернизации, а также об их экономической и организационной эффективности.

Данный вывод подтверждается многочисленными наблюдениями и теоретическими моделями. В качестве примера можно привести так называемую "кривую Казнеца", предложенную в качестве гипотезы известным экономистом С.Казнецом в 1955 г. членам Американской экономической ассоциации. Суть гипотезы сводится к тому, что распределение дохода и богатства можно представить в виде кривой, которая демонстрирует первоначально резкий рост имущественного неравенства в период модернизационного развития и последующее постепенное сглаживание. Данная гипотеза нашла подтверждение в историческом плане на материале и капиталистических стран Европы и Северной Америки, и промышленно развитых бывших социалистических государств, и стран "третьего мира" с различными социально-экономическими ориентациями⁵.

Силы науки и техники, новые технологии преобразуют жизнь людей повсюду, вне зависимости от конкретного социально-экономического и политического контекста, поэтому отнесение различных аспектов человеческого бытия на счет модернизации или социальных, экономических, политических систем является одной из ключевых теоретических проблем.

В данной связи придется обратиться к формуле А.С.Ахиезера об "антимодернизационном взрыве" в России в 1917 г.⁶ Взрыв действительно был. С одной стороны, он нарушил естественное течение

модернизационных процессов, а с другой – сильно их катализировал. В течение жизни одного поколения страна вырвалась в передовые индустриальные державы мира. Это не антимодернизация, а сверхмодернизация с тяжелейшими последствиями для народа и государства.

Трудно также согласиться с концепцией Л.С.Васильева о псевдомодернизации Советской России, поскольку де она добилась “немалых результатов в весьма специфической сфере, в сфере того, что работает на войну и насилие”⁷. Во-первых, результаты касались не только войны, а переустройства всего социально-политического уклада страны на базе индустриализации. Во-вторых, эти результаты спасли не только Россию, но и Европу от фашистского варварства во второй мировой войне. В-третьих, следуя логике Васильева, Германию, развязавшую две мировые войны, тоже надо обвинить в псевдомодернизации. Наконец, в-четвертых, если исходить из самодовлеющего значения военного фактора, то и петровские преобразования придется объявить псевдомодернизацией. Тогда выходит, что Россия вообще не имеет никакого отношения к модернизации, отстала от мира по крайней мере на 500 лет.

Такие крайности А.С.Ахизера и Л.С.Васильева демонстрируют обратную сторону недавней политизации исторической науки и не служат выяснению истинной роли России в процессе модернизации, хотя многие другие их суждения заслуживают самого пристального внимания. Они правы в том, что между модернизацией России и западных стран существуют глубокие отличия. На Западе она прокладывала пути как результат внутреннего развития на своей собственной базе, в России же во многом использовался опыт других стран, который силой авторитарного режима навязывался не всегда удачно. На наш взгляд, задача заключается не в том, чтобы переоценивать модернизацию России или отлучать страну от нее, а основательно изучать мучительный и противоречивый модернизационный процесс в нашем отечестве.

Итак, XVII–XX вв. мировой истории прошли под знаком модернизации, понимаемой нами как всеобъемлющий процесс инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному обществу, который, в свою очередь, может быть представлен как совокупность подпроцессов: индустриализации, урбанизации, демог-

рафического роста, эрозии традиций, бюрократизации, профессионализации и т.д.

В мировом модернизационном процессе выделяют три главные фазы, а иногда пишут о трех модернизациях (В.А.Красильщиков)⁸. Первая модернизация в странах Запада (XVI—XVII вв.) осуществила переход от естественных производительных сил, когда преобладало индивидуальное аграрное и ремесленное производство, к общественным — таким, которые, во-первых, могли использоваться людьми только сообща, что предполагало кооперацию и разделение функций в процессе труда; во-вторых, представляли собой результат самого общественного развития (мануфактура). Эту модернизацию часто называют доиндустриальной или протоиндустриализацией. В социальном плане на смену отношениям личной зависимости пришли отношения личной независимости на основе рыночных отношений.

Второй крупной модернизацией в истории Запада было преобразование самих общественных производительных сил — переход от мануфактуры к машинному или фабрично-заводскому производству (промышленный переворот или раннеиндустриальная модернизация). Ее исходный пункт — превращение орудия труда из ручного в механическое, появление машин, что сопровождалось полным расщеплением общества на буржуа и пролетариев и развитием классовой борьбы. Отчуждение человека от труда и собственности привело к возникновению радикальных проектов переустройства общества, в частности в России.

В западных же обществах разрешение острых социальных конфликтов раннеиндустриального общества осуществлялось на путях проведения третьей крупной модернизации — позднеиндустриальной (США, 1914—1929 гг.; Западная Европа, 1930—1950 гг.; Япония, 1950—1960 гг.). Ее исходный пункт в технологическом отношении — преобразование процесса труда на основе ее научной инженерной организации. Возникает поточно-конвейерное производство, ориентированное на массовый выпуск стандартной продукции. Позднеиндустриальная модернизация позволила заметно преодолеть отчуждение трудящихся от средств существования. Она существенно сгладила классовые противоречия раннеиндустриального капитализма, превратив их в основу поступательного развития западного общества в 1930—1970 гг. Позднеиндустриальная модернизация

привела к первому этапу НТР — соединению производительного труда с научным знанием.

Предлагаемый сборник статей является одним из первых в отечественной историографии, где на конкретном историческом материале разных эпох прослеживается широкий спектр проблем российской модернизации.

Процессы модернизации приобретали удивительное своеобразие и неповторимость в зависимости от времени и места: геополитического положения региона, его исторического наследия, уровня социально-экономического, политического и культурного развития, национального менталитета и т.д. Это особенно значимо для России, огромной страны, которая всегда характеризовалась существенной вариацией исторической динамики составляющих ее регионов и социокультурных ниш. Предварительный анализ позволяет утверждать, что даже в пределах одной страны и одного региона ритмы субпроцессов не совпадали, модернизация протекла неравномерно, в различной степени охватывая экономические и социальные фрагменты общества, территориальные единицы. Это обычно приводило к серьезным противоречиям и конфликтам между отраслями производства, социальными слоями, территориальными сообществами и, конечно же, накладывало отпечаток на характер модернизации в целом и на ее темпы, в частности. Без основательного изучения пространственных характеристик невозможно получить целостного и истинного представления о модернизационном переходе.

Показательно, что западные исследователи российской модернизации признают в качестве существенного недостатка собственных построений игнорирование огромных различий в социальной и экономической области между регионами Российской империи и Советского Союза. Так, ученый из университета Боулинг (США, Огайо) Д.Роуни констатирует: “Правда, Шанин и фон Лауэ обсуждают региональные различия в типах экономики и культуры. Но я здесь говорю о подходе, при котором можно было бы систематически дифференцировать отношения между государством и экономикой, возникающие из-за различий в уровне экономического и культурного развития. При таком подходе следовало бы принимать во внимание различия в уровнях урбанизации, индустриализации или грамотности между, скажем, Северо-Западом и Закавказьем. Следовало бы

также учитывать различный характер накопления человеческих и социальных ресурсов”⁹.

В данном сборнике процессы модернизации анализируются как на общероссийском, так и на региональном уровне. В качестве регионального объекта исследования выбран Урал, который, как и другие крупные индустриальные регионы мира (Рур в Германии, Аппалачи в США, Бергслеген в Швеции), ярко воплощает общие типологические свойства и регионально-историческую специфику модернизационного перехода. В связи с этим представляется в высшей степени перспективным конкретно-историческое региональное изучение модернизации на примере Урала.

Технико-экономические параметры всегда занимали почетное место в различных концептуальных схемах, сформулированных в рамках теории модернизации и в их историческом прочтении. В данном издании также уделяется существенное внимание технико-экономическим сдвигам на разных стадиях модернизации, как в дореволюционной России, так и в советский период (статьи В.Г. Железкина, Е.Ю. Потеряевой). Воздействие институциональных преобразований на развитие золотоплатиновой промышленности, место и роль последней в модернизационных стратегиях российских правительств XVIII—XX вв. проанализированы в статье Л.В. Сапоговской. Кардинальным при изучении российской модернизации рубежа XIX—XX вв. является вопрос о роли иностранного капитала, рассмотренный в статье А.И. Тихонова.

Ключевые проблемы модернизационного перехода — урбанизация, рост городов и городского населения, миграция из деревни в город. В статье Л.И. Бородкина и К.С. Леонард на общероссийском материале определяются факторы миграционной динамики селян в конце XIX — начале XX вв. Центральное место в анализе отводится такому фактору как разница в заработной плате в сельской и городской местности. Роль сельских мигрантов в формировании рабочего класса в период сталинской индустриализации, модернизация социальной структуры на рубеже 1920—1930-х гг. рассматриваются в статье С.П. Постникова.

Обладающие всеобъемлющим характером модернизационные перемены преобразуют и облик общества. Взаимодействие технико-технологического и социального прогресса резюмируется в росте грамотности, профессионализации, обновлении социальных инсти-

тугов. Различным аспектам модернизации общества посвящена статья И.В.Побережникова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Rostow W. The Stages of Economic Growth. Cambridge, Mass., 1960; Ater D. The Politics of Modernization. Chicago, 1966; Levi M. Modernization and the Structure of Society. Princeton, 1966; Black C. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History. N.Y., 1966; Eisenstadt S. Modernization: Protest and Change. New Jersey, 1967; Social Change. Sources, Pattern and Consequences. N.Y., 1964; Wrigley E.A. People, Cities and Wealth. The Transformation of Traditional Society. N.Y., 1987; Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 620—625; Историографический обзор см.: Крупина Т.Д. Теория “модернизации” и некоторые проблемы развития России конца XIX — начала XX в. // История СССР. 1971. № 1. С. 191—205.
2. См.: Development of USSR. Wash., 1964; Imperial Russia after 1861: Peaceful Modernization or Revolution? Boston, 1965; Gerschenkron A. Agrarian Policies and Industrialization: Russia. 1861—1917 // The Cambridge Economic History of Europe. L.; N.Y., 1965; Crisp O. Studies in the Russian Economy Before 1914. L., 1976; Gregory P.R. Russian National Income. 1885—1913. Cambridge, 1982; Gatrell P. The Tsarist Economy, 1850—1917. L., 1986; Историографические обзоры см.: Поткина И.В., Селунская Н.Б. Россия и модернизация (В прочтении западных ученых) // История СССР. 1990. № 4. С. 194—207; Роуни Д. Отношения между государством и экономикой в России в период индустриализации: взаимодействие теории и количественных методов // История. Статистика. Информатика. Материалы научного семинара “Статистическое программное обеспечение для историков”. Барнаул, 29—31 мая 1994 г. Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. С. 211—235.
3. Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии. — 1993. — № 7.
4. Там же. — С. 4.
5. См.: Бергер П. Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе). — М., 1994. С. 55—60.
6. Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии. — 1993. — № 7.
7. Там же. — С. 12.
8. Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. — 1993. — № 7. — С. 44—46.
9. Роуни Д. Отношения между государством и экономикой в России в период индустриализации... — С. 216.